

ВЕСНОЮ — РАССВЕТ

Весною — рассвет.

Все белее края гор, вот они слегка озарились светом. Тронутые пурпуром облака тонкими лентами стелются по небу.

Летом — ночь. Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаза, когда друг мимо друга носятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, все равно это восхитительно. Даже во время дождя необыкновенно красиво.

Осенью — сумерки. Закатное солнце, бросая яркие лучи, близится к зубцам гор. Вороны по три, по четыре, по две спешат к своим гнездам, — какое грустное очарование! Но еще грустнее на душе, когда по небу вереницей тянутся дикие гуси, совсем маленькие с виду. Солнце зайдет, и все полно невыразимой печали: шум ветра, звон цикад...

Зимой — раннее утро. Свежий снег, нечего и говорить, прекрасен, белый-белый иней — тоже, но чудесно и морозное утро без снега. Торопливо зажигают огонь, вносят пылающие угли, — так и чувствуешь зиму! К полудню холод отпускает, и огонь в круглой жаровне гаснет под слоем пепла, вот что плохо!

ТРОНУТЫЕ ПУРПУРОМ
ОБАКА ТОНКИМИ ЛЕНТАМИ
СТЕЛЮТСЯ ПО НЕБУ

НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНЕСТВА

В первый день нового года радостно синеет прояснившееся небо, легкая весенняя дымка преобразует все кругом.

Все люди до одного — в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем поздравляют своего государя, желают счастья друг другу. Великолепное зрелище!

В седьмой день года собирают на проталинах побеги молодых трав. Как густо они всходят, как свежо и ярко зеленеют даже там, где их обычно не увидишь, внутри дворцовой ограды!

В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку подбросило на дороге. Женщины стучаются головами. Гребни из волос падают, ломаются. Слышен веселый смех.

Помню, как я первый раз поехала посмотреть на шествие «Белых коней». За воротами, возле караульни Лево́й гвардии, толпились придворные. Они взяли луки у телохранителей, сопровождающих процессию, и стали пугать коней звоном тетивы. Из своего экипажа я могла разглядеть лишь решетчатую ограду вдали, перед дворцом. Мимо нее то и дело сно-

вали служанки и камеристки. «Что за счастливицы! — думала я. — Как свободно они ходят здесь, в высочайшей обители за девятью воротами. Для них это привычное дело!»

Но на поверку дворы там тесные. Телохранители из церемониальной свиты прошли так близко от меня, что были видны даже пятна на их лицах. Белила наложены неровно, как будто местами стаял снег и проступила темная земля... Лошади вели себя беспокойно, взвизвали на дыбы. Поневоле я спряталась от страха в глубине экипажа и уже ничего больше не увидела. На восьмой день нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю. Пятнадцатый день — праздник, когда, по обычаю, государю преподносят «Яство полнолуния».

В знатных домах все прислужницы — и старшие, почтенные дамы, и молодые, — пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлопнуть друг друга, поглядывая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них самый потешный! Вдруг — хлоп! Кто-то не уберется — всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует.

Молодой зять, лишь недавно начавший посещать свою жену в доме ее родителей, собирается утром пятнадцатого дня отбыть во дворец. Эту минуту и караулят женщины. Одна из них притаилась в дальнем углу. В любом доме найдется такая, что повсюду суется первой.

Но другие, оглядываясь на нее, начинают хихикать.

— Тс-с, тихо! — машет она на них рукой. И только юная госпожа, словно бы ничего не замечая, остается невозмутимой.

— Ах, мне надо взять вот это! — выскакивает из засады женщина, словно бы невзначай подбегает к юной госпоже, хлопает ее мешалкой по спине и мгновенно исчезает. Все дружно заливаются смехом.

Господин зять тоже добродушно улыбается, он не в обиде, а молодая госпожа даже не вздрогнула, и лишь лицо ее слегка розовеет. Это прелестно! Случается, женщины бьют мешалкой не только друг друга, но и мужчину стукнут. Иная заплачет и в гневе начнет запальчиво укорять и бранить обидчицу:

— Это она, верно, со зла.

Даже во дворце государя царит веселая суматоха, и строгий этикет нарушен. Забавная сумятица происходит и в те дни, когда ждут новых назначений по службе.

Пусть валит снег, пусть дороги окованы льдом, все равно в императорский дворец стекается толпа чиновников четвертого и пятого ранга с прошениями в руках. Молодые смотрят весело, они полны самых светлых надежд. Старики, убеленные сединами, в поисках покровительства бредут к покоям придворных дам и с жаром выхваляют собственную мудрость и прочие свои достоинства. Откуда им знать, что юные насмешницы по-

сле безжалостно передразнивают и вышучивают их?

— Пожалуйста, замолвите за меня словечко государю. И государыне тоже, умоляю вас! — просят они.

Хорошо еще, если надежды их сбудутся, но как не пожалеть того, кто потерпел неудачу!

☉ В ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕЙ ЛУНЫ...

В третий день третьей луны солнце светло и спокойно сияет в ясном небе. Начинают раскрываться цветы на персиковых деревьях. Ивы в эту пору невыразимо хороши. Почки на них словно тугие коконы шелкопряда. Но распустятся листья — и конец очарованию.

До чего же прекрасна длинная ветка цветущей вишни в большой вазе. А возле этой цветущей ветки сидит, беседуя с дамами, знатный гость, быть может, старший брат самой императрицы, в кафтане цвета вишни поверх других многоцветных одежд. Чудесная картина!

ГОСПОЖА КОШКА, СЛУЖИВШАЯ ПРИ ДВОРЕ...

Госпожа кошка, служившая при дворе, была удостоена шапки чиновников пятого ранга, и ее почтительно титуловали госпожой мёбу. Она была прелестна, и государыня велела особенно ее беречь.

Однажды, когда госпожа мёбу разлеглась на веранде, приставленная к ней мамка по имени Ума-но мёбу прикрикнула на нее:

— Ах ты, негодница! Сейчас же домой!

Но кошка продолжала дремать на солнышке. Мамка решила ее припугнуть:

— Окинамаро, где ты? Ну-ка, укуси мёбу-но омото!

Глупый пес набросился на кошку, а она в смертельном страхе кинулась в покои императора. Государь в это время находился в зале утренней трапезы. Он был немало удивлен и спрятал кошку у себя за пазухой.

— Побить Окинамаро! Сослать его на Собачий остров сей же час! — повелел император.

Собрались слуги и с шумом погнались за собакой. Не избежала кары и Ума-но мёбу.

— Отставить мамку от должности, она нерадива, — приказал император.

Ума-но мёбу больше не смела появляться перед высочайшими очами. Стражники прогнали бедного пса за ворота. Увы, давно ли сам

Госпожа кошка была
преlestна, и госудаарыня
велеа особенно ее беречь

То-но бэн вел его, когда в третий день третьей луны он горделиво шествовал в процессии, увенчанный гирляндой из веток ивы. Цветы персика вместо драгоценных спинок, на спине — ветка цветущей вишни, вот как он был украшен. Кто бы мог тогда подумать, что ему грозит такая злосчастная судьба.

— Во время утренней трапезы, — вздыхали дамы, — он всегда был возле государыни. Как теперь его не хватает!

Через три-четыре дня услышали мы в полдень жалобный вой собаки.

— Что за собака воет без умолку? — спросили мы.

Псы со всего двора стаей помчались на шум. Скоро к нам прибежала служанка из тех, что убирают нечистоты.

— Ах, какой ужас! Двое мужчин насмерть избивают бедного пса. Говорят, он был сослан на Собачий остров и вернулся, вот его и наказывают заслушивание.

Сердце у нас защемило: значит, это Окина-маро!

— Его бьют куродо Тадатака и Санэфуса, — добавила служанка.

Только я послала гонца с просьбой прекратить побои, как вдруг жалобный вой затих.

Посланный вернулся с известием:

— Издох. Труп выбросили за ворота.

Все мы очень опечалились, но вечером к нам подполз, дрожа всем телом, какой-то безобразно распухший пес, самого жалкого вида.

— Верно, это Окинамаро? Такой собаки мы здесь не видели, — заговорили дамы.

— Окинамаро! — позвали его, но он словно бы не понял.

Мы заспорили. Одни говорили: «Это он!», другие: «Нет, что вы!»

Государыня повелела:

— Укон хорошо его знает. Кликните ее.

Пришла старшая фрейлина Укон. Государыня спросила:

— Неужели это Окинамаро?

— Пожалуй, похож на него, но уж очень страшен на вид, — ответила госпожа Укон. — Бывало, только я кликну «Окинамаро!», он радостно бежит ко мне, а этого сколько ни зови, не идет. Нет, это не он! Притом ведь я слышала, что бедного Окинамаро забили насмерть. Как мог он остаться в живых, ведь его нещадно избивали двое мужчин!

Императрица была огорчена. Настали сумерки, собаку пробовали накормить, но она ничего не ела, и мы окончательно решили, что это какой-то приبلудный пес. На другое утро я поднесла императрице гребень для прически и воду для омовения рук. Государыня велела мне держать перед ней зеркало. Прислуживая государыне, я вдруг увидела, что под лестницей лежит собака.

— Увы! Вчера так жестоко избили Окинамаро. Он, наверно, издох. В каком образе возродится он теперь? Грустно думать, — вздохнула я.

При этих словах пес задрожал мелкой дрожью, слезы у него так и потекли-побежали. Значит, это все-таки был Окинамаро! Вчера он не посмел отозваться. Мы были удивлены и тронуты.

Положив зеркало, я воскликнула:

— Окинамаро!

Собака подползла ко мне и громко залаяла. Государыня улыбнулась. Она призвала к себе госпожу Укон и все рассказала ей. Поднялся шум и смех. Сам государь пожаловал к нам, узнав о том, что случилось.

— Невероятно! У бессмысленного пса — и вдруг такие глубокие чувства, — шутливо заметил он.

Дамы из свиты императора тоже толпой явились к нам и стали звать Окинамаро по имени. На этот раз он поднялся с земли и пошел на зов.

— Смотрите, у него все еще опухшая морда, надо бы сделать примочку, — предложила я.

— Ага, в конце концов пришлось ему выдать себя! — смеялись дамы.

Тадатака услышал это и крикнул из Столового зала:

— Неужели это правда? Дайте, сам погляжу.

Я послала служанку, чтобы сказать ему: «Какие глупости! Разумеется, это другая собака».

— Говорите себе что хотите, а я разыщу этого подлого пса. Не спрячете от меня, — угрозил Тадатака.

Вскоре Окинамаро был прощен государем и занял свое прежнее место во дворце. Но и те-

перь я с невыразимым волнением вспоминаю, как он стонал и плакал, когда его пожалели.

Так плачет человек, услышав слова сердечного сочувствия. А ведь это была простая собака... Разве не удивительно?

☉ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГОДА И ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТРЕТЬЕЙ ЛУНЫ...

Первый день года и третий день третьей луны особенно радуют в ясную погоду. Пускай хмурится пятый день пятой луны. Но в седьмой день седьмой луны туманы должны к вечеру рассеяться.

Пусть в эту ночь месяц светит полным блеском, а звезды сияют так ярко, что, кажется, видишь их живые лики.

Если в девятый день девятой луны к утру пойдет легкий дождь, хлопья ваты на хризантемах пропитаются благоуханной влагой, и аромат цветов станет от этого еще сильнее.

А до чего хорошо, когда рано на рассвете дождь кончится, но небо все еще подернуто облаками, кажется, вот-вот снова посыплются капли!

ТО, ЧТО НАВОДИТ УНЫНИЕ

Собака, которая воеет посреди белого дня.

Верша для ловли рыб, уже ненужная весной.

Зимняя одежда цвета алой сливы в пору третьей или четвертой луны.

Погонщик, у которого издох бык.

Комната для родов, где умер ребенок.

Жаровня или очаг без огня.

Ученый высшего звания, у которого рождаются только дочери.

Остановишься в чужом доме, чтобы изменить направление пути, грозящее бедой, а хозяин как раз в отсутствии. Особенно это грустно в День встречи весны.

Досадно, если к письму, присланному из провинции, не приложен гостинец. Казалось бы, в этом случае не должно радовать и письмо из столицы, но зато оно всегда богато новостями. Узнаешь из него, что творится в большом свете.

С особым старанием напишешь кому-нибудь письмо. Пора бы уже получить ответ, но посланный тобой слуга подозрительно запаздывает. Ждешь долго-долго, и вдруг твое письмо, красиво завязанное узлом или скрученное на концах, возвращается к тебе, но в каком виде! Испачкано, смято, черта туши, для сохранности тайны проведенная сверху, бесследно стерта. Слуга отдает письмо со словами: «Дома не изволят быть», или: «Нынче, сказали, соблюдают День удаления, письма принять не могут».

Какая досада!

Долгие дожди
в последний месяц года

Или вот еще. Посылаешь экипаж за кем-нибудь, кто непременно обещал приехать к тебе. Ждешь с нетерпением. Слышится стук подъезжающей повозки. Кто-то кричит: «Вот наконец пожаловали!»

Спешишь к воротам. Но экипаж тащат в сарай, оглобли со стуком падают на землю.

Спрашиваешь:

— В чем дело?

— А дома не случилось. Говорят, изволили куда-то отбыть, — отвечает погонщик и уводит в стойло распряженного быка.

Или вот еще. Зять, принятый в семью, перестает навещать свою жену. Большое огорчение! Какая-то важная особа сосватала ему дочку одного придворного. Совестно перед людьми, а делать нечего!

Кормилица отпросилась «на часочек». Утешаешь ребенка, забавляешь. Пошлешь к кормилице приказ немедленно возвращаться... И вдруг от нее ответ: «Нынче вечером не ждите». Тут не просто в уныние придешь, этому имени нет, гнев берет, до чего возмутительно!

Как же сильно должен страдать мужчина, который напрасно ждет свою возлюбленную!

Или еще пример. Ожидаешь всю ночь. Уже брезжит рассвет, как вдруг — тихий стук в ворота. Сердце твое забило сильнее, посылаешь людей к воротам узнать, кто пожаловал. Но называет свое имя не тот, кого ждешь, а другой человек, совершенно тебе безразлич-